

Маркелов К.В.

УДК 941

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЛИБЕРАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ

Постановка проблемы: александровские и столыпинские реформы второй половины XIX – начала XX вв. были задуманы как либеральные и демократические, но в конечном итоге (наряду со многими другими факторами) привели к прямо противоположным целям и результатам: утверждению не либерализма и демократии, но в октябре 1917 года установлению тоталитаризма и диктатуры. Возникает вопрос: в чем именно состоял просчет великих реформаторов и какие уроки из этих ошибок мы можем извлечь сегодня.

Цель статьи: установить сущностную связь между либеральными реформами в России второй половины XIX – начала XX вв. и последующими радикальными политическими и социально-экономическими преобразованиями.

Задачи статьи: вкратце описать сущность проводимых либеральных реформ; выявить краткосрочные последствия реформ того времени; выявить стратегическое влияние реформ на политическую и социально-экономическую жизнь страны.

В основу методологической базы исследования легли синергетическая и немарковская парадигмы исследования социальных процессов. В рамках немарковской парадигмы, утверждающей принцип исторического детерминизма, был использован закон ментальной идентичности, нацеливающий на выявление связей между менталитетом народа и социальными явлениями и процессами различного порядка.

Библиографическую базу исследования составили труды выдающихся мыслителей русской общественно-философской мысли в сфере философии (Н.А.Бердяев), экономики (А.Н.Энгельгард) и методологии исследования социальных процессов (В.Д.Попов).

Воспитанный придворным наставником и поэтом В.Жуковским в духе просвещения и гуманизма, Александр II искренне верил в необходимость проведения либеральных реформ в России. Но Александр, как и многие российские правители, «не знал общества, в котором живет». Общество это оказалось в высшей степени непредсказуемо. Во время Александровских реформ второй половины XIX века оно проявило себя классической синергетической системой, в которой резонансные эффекты и режимы с обострением имеют свойство развиваться непредсказуемо и могут привести к катастрофе. Общество оказалось не готовым к тотальному либеральному реформам.

Реформы были задуманы как социально-ориентированные. Конечный смысл этих реформ состоял в успокоении и умиротворении всех слоев общества и в первую очередь крестьянства, готового отменить крепостное право «снизу». Но вместо умиротворения стало происходить нечто прямо противоположное. Забастовало студенчество. Активизировалась революционная демократия. И самое страшное – появился терроризм, что было ранее немыслимо.

Видя, что свобода приводит к неуправляемым процессам, Александр II стал ее ограничивать. Был заточен в Петропавловскую крепость Н.Г.Чернышевский, арестован Д.И.Писарев. Земства и суды стали терять свою независимость. Наиболее радикальные организации были разгромлены властями, а их участники направлены на каторгу и в ссылку.

Г.П.Федотов пишет следующее: «Реформы Александра II, надломив бюрократический строй, но, не перестроив государство на новых началах, оставили хаос, разброд в умах, междоусобную борьбу во всех колесях правительственного механизма»¹. Причем, из равновесия было выведено не только крестьянство и чиновничество. Дворянство, купечество, мещанство, городская интеллигенция, попавшие в сети многочисленных финансовых пирамид и потерявшие убытки от деятельности коммерческих банков, были возмущены и шокированы.

1 марта 1881 г. по приговору Исполнительного комитета партии «Народная воля» Александр II был убит в Петербурге бомбой, брошенной народовольцем И.И.Гриневицким. Такова была «плата» царю за либеральные реформы.

С точки зрения политической науки, Александр II сделал одну очень серьезную ошибку: он не в полной мере учел социально-философский и исторический опыт прошлых российских реформ, успех которых во многом зависел от соответствия проводимых в стране преобразований глубинным психологическим характеристикам русского народа. Выражаясь современным научным языком, Александр II не в полной мере учел закон ментальной идентичности, выражающий степень соответствия проводимых реформ менталитету народа². Основное следствие закона таково: если сущность реформ идет вразрез с традициями народа, то реформы либо не проходят (блокируются, саботируются народом), либо они разрушают менталитет народа, т.е. по сути уничтожают сам народ – чаще всего именно в смысле утраты идентичности, но иногда и физиологически: народ постепенно вымирает.

Но существует и третий вариант, когда народ в ответ на неадекватные реформы отвечает террором или революцией и разрушает не только самих реформаторов, но и ту политическую систему, которая породила эти неадекватные реформы. Нечто подобное случилось в России в 1917 году.

Задумав реформы как «прогрессивные», что в данном конкретном случае можно перевести как «либеральные», т.е. ориентированные на западноевропейские и североамериканские стандарты (коммерческие банки, свобода предпринимательства, «бесцензурная» пресса, отсутствие крепостного права

¹ Федотов Г. П. Судьба и грехи России : в 2-х т. / Г. П. Федотов. – СПб., 1991. – Т. 1. – С. 167.

² См.: Попов В. Д. Социальный психоанализ в России: проблемы и перспективы / В. Д. Попов. – М., 1997. – С. 128.

и пр.), Александр II не учел таких простых факторов, как огромная территория российского государства, холодный климат и крайне низкий уровень производительных сил. К середине XIX века огромная крепостная Россия не была ни экономически, ни психологически, ни коммуникативно готова к повсеместному введению риккардовского капитализма.

Пытаясь насильно привить идеал западного либерализма, Александр увеличил коммуникативный разрыв между народом и властью. Как следствие – появился терроризм, который априори предполагает полный отказ от коммуникации. Это современным спецслужбам хорошо известно, что договориться с террористами невозможно. Но тогда это социальное явление было новью. Александр не понимал этих людей – «бомбометателей». Он пытался с ними разговаривать, он хотел понять ход их мыслей. Однако это «коммуникативное любопытство» его и погубило: согласно исторической хронике, он был убит именно в тот момент, когда в очередной раз приблизился к террористу-бомбометателю – захотел «посмотреть ему в глаза».

Появление терроризма – первый и наиболее важный признак разрыва коммуникативных связей между властью и той частью общества, которая этой властью наиболее недовольна. Где появляется терроризм, там разрушается последняя надежда на продуктивный диалог, и значительная часть вины за возникновение терроризма всегда лежит на властной элите – как на одном из главных инициаторов коммуникации в обществе.

Аграрные реформы С.Витте – П.Столыпина еще больше накалили ситуацию.

Основная идея Витте была очень проста. Он, подобно Александру II, исходил из презумпции экономической отсталости России по отношению к передовым странам Западной Европы и США. Причины этой отсталости Витте видел в неэффективности экономического базиса – крестьянской общины, которая как субъект хозяйствования производила на душу населения продукции меньше, чем североамериканское фермерское или западноевропейское крестьянское хозяйство.

Чтобы ликвидировать это отставание, Витте задумал законодательно подорвать «неэффективную» крестьянскую общину и ввести частную собственность на землю, с тем чтобы крестьянин мог свой надел заложить для модернизации производства или продать его, в случае если дела пойдут совсем плохо.

Вторая фундаментальная идея аграрных реформ заключалась в освоении целинных земель Сибири и Казахстана. Предполагалось, что часть бедных и разорившихся крестьян выйдет из общины, продаст свой надел и уедет на Восток осваивать целину.

И наконец, третья идея реформ носила внутривластный характер. После неудавшейся революции 1905 года у Столыпина, который лично руководил подавлением крестьянских мятежей в Саратовской губернии, сложилось убеждение, что наиболее приемлемым способом справиться с крестьянским движением могла стать передача земли в собственность. «Крестьянин-собственник, – полагал Столыпин, – не будет бунтовать, ему нужны стабильность и порядок»³.

Если Александра II подорвали бомбой ровно через двадцать лет с момента начала реформ, то Столыпин, как главный исполнитель реформ, этот путь проделал в четыре раза быстрее. В 1911 г., после подведения и осмысления первых итогов реформы, он был убит эсером-террористом.

Основная цель реформ не была достигнута. Крестьянская община уцелела. На территориях Нечерноземья индивидуальное хозяйство в целом не показало себя экономически более эффективным, чем хозяйство общинное. Но главное – реформа села вызвала непонимание и раздражение у самих крестьян.

Историк П.Зырянов приводит достаточно типичный случай, описанный в воспоминаниях земского начальника из Вологодской губернии В.Поливанова.

В страду в деревню приехали «землеустроители», созвали сход и объявили, что велено делиться на хутора. Сход посоветался и отказался. Начальник пообещал выделить ссуду, потом угрожал арестовать «бунтовщиков», потом обещал пригнать на постой солдат. Крестьяне твердили: «Как старики жили, так и мы будем жить, а на хутора не согласны». Тогда начальник пошел пить чай, а крестьянам велел сесть на землю и ждать. Вышел поздно вечером. «Ну как, согласны?» Сход ответил: «Все согласны. На хутора, так на хутора, на осину, так на осину, только чтобы всем, значит, вместе». Далее Поливанов пишет, что ему удалось дойти до губернатора и на время отложить реформу деревни Лопатихи. Историк Зырянов, который приводит этот рассказ, отмечает, что сам случай достаточно типичный, а вот эпилог с отменой ранее принятого решения о роспуске общины – скорее исключение, чем правило⁴.

Основным общественным идеалом, который формировал, а затем удерживал крестьянскую общину на протяжении тысячелетий, был идеал общинности и соборности, выражаемый в очень простой социально-экономической формуле, высказанной крестьянами деревни Лопатихи: «чтобы всем, значит, вместе». В холодной нечерноземной России миром выжить было, действительно, легче, чем в одиночку, и этот исторический опыт выживания был «записан» в коллективном бессознательном российского народа.

Крестьяне, в первую очередь бедняки и середняки, шестым чувством ощущали необходимость общины. Они не могли логически аргументировать свой отказ «распускаться», чем вызывали гнев реформаторов, которые очень часто видели в этом непонятном и логически не мотивированном отказе признаки косности и даже тупости. На самом деле интеллект крестьянина был ничуть не ниже интеллекта городского жителя, но это был интеллект принципиально иного типа, основной особенностью которого являлось умение прокормиться самому и дать сельхозпродукты помещику, городу, государству в условиях социально-

³ См.: Островский И. В. П. А. Столыпин и его время / И. В. Островский. – Новосибирск, 1992. – С. 51.

⁴ См.: Кара-Мурза С. Советская цивилизация : в 2-х кн. / С. Кара-Мурза. – М., 2002. – Кн. 1. – С. 76.

экономического форс-мажора. Исторический опыт этого умения и составлял основу крестьянского интеллекта.

Радикальным воплощением идеала общинности и соборности в России стал идеал «уравниловки», использующий традицию раздела общинной земли по едокам. Уравнительное разделение земли снижало вероятность голодной смерти крестьян. Отсюда неосознанное архитипическое стремление, чтоб «всем поровну», «по совести и справедливости». Крестьянин был уверен, что гарантом такого рода социальной справедливости являлся царь, основная функция которого должна сводиться к тому, чтобы следить за правильным разделением земли.

А.Н. Энгельгард, длительное время наблюдавший за русской крестьянской общиной, в своих знаменитых «Письмах из деревни» пытался передать наиболее типичные мысли крестьянина о роли царя в справедливом разделении земли:

«Никто не будет обойден. Царь никого не выкинет и каждому даст соответствующую долю в общей земле. По понятиям мужика, каждый человек думает за себя, о своей личной пользе, каждый человек эгоист, только мир да царь думают обо всех, только мир да царь не эгоисты. Царь хочет, чтобы всем было ровно, потому что всех он одинаково любит, всех ему одинаково жалко. Функция царя – всех ровнять...»⁵

Закон ментальной идентичности, примененный к анализу основных исторических событий XIX – XX вв., дает возможность ответить на целый ряд важнейших вопросов: почему власть в октябре 1917 году взяла ленинская партия большевиков, почему в последующей гражданской войне победила рабоче-крестьянская армия и почему на последующие 70 лет в России утвердилась идея социального равенства.

О ценностном противоречии идеалов России и Запада очень хорошо сказал Н.Бердяев: «Россия – самая не буржуазная страна в мире; в ней нет того крепкого мещанства, которое так отталкивает и отвращает русских на Западе»⁶. «Русский человек будет грабить и наживаться нечистыми путями, но при этом он никогда не будет почитать материальные богатства высшей ценностью»⁷. «Европейский буржуа наживается и обогащается с сознанием своего большего совершенства и превосходства, с верой в свои буржуазные добродетели. Русский буржуа, наживаясь и обогащаясь, всегда чувствует себя немного грешником и немного презирает буржуазные добродетели»⁸.

Более того, Бердяев дает прямое указание на присутствие в русском национальном сознании идеала общинности и соборности: «вся духовная энергия русского человека была направлена на единую мысль о всеобщем спасении», которая была «характерно-русской мыслью»⁹, и далее о русской душе: «в ней есть какой-то особый, совсем не западный демократизм на религиозной почве, жажда спасения всем народом»¹⁰.

Сначала император Александр II, а затем полвека спустя реформаторы-либералы С.Витте и П.Столыпин с идеалом общинности и соборности как с типично российской болезнью попробовали бороться самыми интенсивными методами. И оба были убиты террористами-радикалами. В убийстве этих политиков было бы неправильно винить конкретных людей и террористические организации. Мое глубокое убеждение состоит в том, что в их насильственной смерти виноват российский менталитет. Эти выдающиеся политики и их радикальные либеральные идеи в данный исторический момент были стратегически отвергнуты российской исторической действительностью. Подтверждением этой мысли служат последующие исторические события, связанные с категоричным отказом новой советской власти от малейшей возможности ввести в жизнь советского человека даже самые незначительные элементы либеральных ценностей и идеалов. Последний «рецидив» экономического либерализма НЭП был отменен Сталиным в начале тридцатых. Политический курс советского государства вычерчивался теоретиками и практиками коммунистической идеологии в направлении противоположном тому, которое пытались заложить сначала Александр II, а затем Витте и Столыпин и их ближайшие сподвижники и советники.

Либеральные реформы Александра II, аграрные реформы Витте – Столыпина подтолкнули общество к революции, гражданской войне, утверждению идеологии, радикально обострившей традиционные российские идеалы – общинности и соборности (советы депутатов), святости и сакральности (культ личности), сильной государственности (массовые репрессии). И, пожалуй, только идеал свободы и вольницы был задавлен, загнан в глубины коллективного бессознательного. И это явилось одной из серьезнейших идеологических ошибок советского руководства. Освобожденный в конце 80-х – начале 90-х гг. от гнета государственной власти идеал свободы и вольницы помог разрушить советскую тоталитарную систему изнутри. Но этого можно было избежать, при условии более гибкого и тонкого информационного воздействия на различные компоненты идеальной сферы советского общества.

Выводы:

Либеральные реформы второй половины XIX – начала XX вв. способствовали возникновению революционной ситуации. Причина: реформаторами не был учтен закон ментальной идентичности, отражающий корреляцию между проводимыми реформами и идеалами народа. Либеральные реформы способствовали идейному расколу общества, обострили противоречия между различными частями общества, властью и обществом.

⁵ См.: Энгельгард А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872 – 1887 / А. Н. Энгельгард. – СПб., 1987. – С. 540-542.

⁶ Бердяев Н. Судьба России / Н. Бердяев. – М., 1918. – С. 12.

⁷ Там же. – С. 76.

⁸ Там же. – С. 76.

⁹ Там же. – С. 82.

¹⁰ Там же. – С. 163.

Перспектива дальнейшего развития проблемы состоит в анализе современных политических, социальных и экономических реформ на постсоветском пространстве и прогнозе их тактических и стратегических последствий на основе современной научной методологии.

Источники и литература:

1. Бердяев Н. Судьба России / Н. Бердяев. – М., 1918.
2. Кара-Мурза С. Советская цивилизация : в 2-х кн. / С. Кара-Мурза. – М., 2002. – Кн. 1.
3. Коноваленко М. Ю. Теория коммуникации / М. Ю. Коноваленко, В. А. Коноваленко. – М., 2012.
4. Островский И. В. П. А. Столыпин и его время / И. В. Островский. – Новосибирск, 1992.
5. Попов В. Д. Социальный психоанализ в России: проблемы и перспективы / В. Д. Попов. – М., 1997.
6. Федотов Г. П. Судьба и грехи России : в 2-х т. / Г. П. Федотов. – СПб., 1991. – Т. 1.
7. Энгельгард А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872 – 1887 / А. Н. Энгельгард. – СПб., 1987.

Маруцкий Э.С., Фролкин П.П. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

УДК 336.71

Ведущим процессом в социальных отношениях пореформенной России было развитие капитализма. В первые пореформенные десятилетия происходила ломка феодальных отношений в сельском хозяйстве и складывались характерные для капитализма социальные слои населения – пролетариат и буржуазия. Буржуазные отношения развивались в условиях сохранения сословного строя. Основную массу населения Саратовской губернии (2 144 918 чел.), как и всей России, составляли крестьяне. Причем, их удельный вес (89 %) превосходил средние показатели и в Европейской России (84 %), и в Поволжье (86 %). Значительно меньшую сословную группу составляли мещане (208 744 чел.) [8;с.224]. Удельный вес мещан (8,7 %) и в целом городских сословий здесь был ниже, чем среднероссийский (10,7 %), но превосходил аналогичные показатели в поволжских губерниях (6,2 %)[8;с.225]. Данное обстоятельство связано с активным экономическим развитием городов губернии, обусловившим рост их населения. Представители всех остальных сословий составляли немногим более 2%. Для губернии, как и для Поволжья в целом, была характерна малочисленность дворянского сословия.

Наш анализ позволил выявить специфику сословной структуры отдельных народов губернии. Однородной – крестьянской – она была у чувашей, башкир и мордвы. Состав великорусского, малороссийского, белорусского, немецкого и татарского населения при доминирующей численности крестьян был достаточно разнообразным, так как включал представителей всех существовавших в России сословий. Однако у малороссов некрестьянские сословные группы были малочисленны. Среди них выделялись лишь мещане Саратова, Царицына и Камышина, но и они составляли только 1,45 % этноса. Среди нерусского населения губернии наибольшей численностью мещан выделялись татары (5 %). Они проживали в городах Саратов, Царицын, Вольск, Хвалынский и Кузнецк. Среди татар была также довольно значительная прослойка дворян – потомков татарской знати, получившей после включения в состав Русского государства права российского дворянства и значительные земельные участки[8;с.225].

Немецкое население Поволжья первоначально состояло исключительно из крестьян и ремесленников. Данное обстоятельство было обусловлено тем, что по российскому законодательству колонистами признавались лишь те иностранцы, которые занимались земледелием, а также ремесленники, «в земельном состоянии нужные»: портные, сапожники, кузнецы. В последующем социальная структура немцев расширилась, преимущественно за счет городских сословий. Но основную их массу (более 98 %, или 163 661 чел.) по-прежнему составляли крестьяне.

Сословный состав великоросов, вследствие их численного преобладания, наиболее соответствовал среднегубернским показателям. В то же время существенное преобладание их среди духовенства (98,5 %), войскового казачества (99,5), мещанства (94), купечества (89,7) и дворянства (90) было значительно меньшим в крестьянском населении (74,7 %). Среди белорусов при доминировании крестьян (71 %) выделялись значительные группы мещан (21), дворян и чиновников (4,6) [8;с.226].

В свою очередь, специфика социального состава польского, еврейского и цыганского населения заключалась в преобладании некрестьянских сословий. В сословном составе пореформенной России выделялась отдельная группа инородцев, которую в Саратовской губернии составляли калмыки.

Деление общества по сословному признаку не в полной мере отражало социальный состав населения страны и губернии, так как не учитывало новые социальные группы: деревенскую и городскую буржуазию, батраков, рабочих, интеллигенцию. В то же время капиталистический уклад проникал в среду большинства народов губернии и способствовал складыванию национальных предпринимательских слоев, интеллигенции, потомственных рабочих. Отметим лишь, что среди учителей, врачей, ученых, писателей, наряду с великоросами, было немало немцев, малороссов, поляков и евреев. Активно шел процесс формирования татарской интеллигенции. А наибольший удельный вес представителей «либеральных профессий» в конце XIX в. наблюдался среди польского населения[8;с.154-159]. Владельцами наиболее крупных заводов и фабрик в губернии были русские (братья М. и П. Гудковы, А.В. Чирихина, В.В. Богуславский) и немецкие предприниматели (братья Шмидт, К. Рейнеке, А.К. Штаф, О.Э. Беринг).